

грузинского рода (ἐκ τῆς τῶν Ἰβήρων παρφρασεύατης φυλῆς), что и предки его были грузины и что основанный им монастырь — грузинский (см. 148.25, 152.27, 159.23, 173.27, 199.24, 245.6, 263.25, 265.6, 296.5).

Заметим, наконец, что фамильное имя Григория по-русски следует передавать в форме «Бакуриани» (или «Бакурианидзе»), а не в форме «Пакуриан», как это делает автор рецензируемой статьи.

А. В. Урушадзе

«ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ»

Перевод с древнеармянского, вступительная статья,
комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968

Среди богатейшей средневековой армянской литературы исторические труды на древнеармянском языке (грабаре) занимают особое положение. Кроме весьма обстоятельных сведений по истории армянского народа, современный исследователь найдет в сочинениях средневековых армянских историков порой не менее богатые материалы и о соседних кавказских и других переднеазиатских областях. Уже в прошлом веке наиболее значительные армянские источники были переведены на европейские (главным образом русский и французский) языки. При всей значимости этих переводов для того времени, когда через их посредство европейская наука ввела в научный оборот ранее малоизвестный фактический материал, можно утверждать, что в наши дни переводы эти устарели либо полностью, либо частично, хотя бóльшая часть их — дело крупнейших ученых-армянистов той эпохи. Дело не столько в точности перевода как такового, сколько в методе его осуществления. Старые переводчики главным образом стремились перевести на другой язык терминологию подлинника, пользуясь понятиями и лексическим запасом языка современной им эпохи и далеко не всегда заботясь об объяснении терминов, которые по этой причине чаще всего передавались лишь приблизительно и неоднозначно. Это свойственно не только трудам К. Патканова, М. Броссе и других армянистов прошлого века, но в ряде случаев и переводам Н. Я. Марра, осуществленным уже в XX в. Такие переводы далеко не удовлетворяют современного историка, для которого анализ терминологии соответствующей эпохи имеет первостепенное значение при исследовании этнической и социально-экономической структуры того или иного общества.

В советское время изданы заново и критически многие сочинения армянской средневековой литературы. Ряд памятников был переведен и на русский язык (труды Фавста Бузанда, Мхитара Гоша, Смба́та Спарапета и др.). Не все эти переводы одинакового качества, не о всех можно, к сожалению, сказать, что в отношении передачи терминологии работа переводчиков доведена до конца. Возьмем для примера перевод «Судебника» Смба́та Спарапета А. Г. Галстяна, вышедший в 1958 г. Несомненной заслугой издателя явилось установление критического текста данного памятника. В этом отношении издание «Судебника» Смба́та Спарапета выгодно отличается от русского перевода «Судебника» Мхитара Гоша, переводчик которого А. Паповян не поставил перед собой задачи сначала выработать критический текст памятника, а ограничился тем, что перевел его с весьма несовершенного издания В. Бастамянца¹.

Но и перевод А. Г. Галстяна страдает существенными недостатками. Одни и те же термины подлинника переводчик передает по-разному. Так, термин «чóрт» А. Г. Галстян переводит на русский язык и как «крепостной»², и как «вассал»³, и как «слуга»⁴. Конечно, в контексте «Судебника» этот термин действительно имеет различные оттенки, но само употребление Смба́том Спарапетом во всех этих разных случаях одного и того же термина — обстоятельство не случайное и требует объяснения. Поэтому переводчику следовало бы сохранить термин подлинника (в транскрипции), а затем прокомментировать его различные смысловые оттенки.

Перевод сочинения армянского историка XI в. Ариста́кэса Ластивертци, осуществленный К. Н. Юзбашяном, выгодно отличается от других изданий такого рода. Перевод сделан с критического издания древнеармянского текста, установленного самим К. Н. Юзбашяном, и переводчик является тонким знатоком и рукописной традиции, и истории памятника. Кроме того, К. Н. Юзбашяну как византиноведу удобнее всего было издавать и исследовать это сочинение, в значительной мере связанное

¹ Это издание 1880 г., к тому же ставшее библиографической редкостью, было в свое время весьма критически оценено Н. Адонцем («Армения в эпоху Юстиниана». СПб., 1908, стр. 191—192) и Х. Самвелюном («История древнеармянского права», ч. I. Ереван, 1939, стр. 17, на арм. яз.). Что касается перевода А. Паповяна, то см. его характеристику в рецензии И. К. Кусикяна (ВВ, XIV, 1958, стр. 243—245).

² *Смбат Спарапет*. Судебник. Ереван 1958, стр. 15, 118, 133 и др.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 154.

с трагическим периодом в истории Малой Азии, когда нашествие сельджуков положило начало гибели и Византийской империи, и армянских государственных образований.

В целом перевод осуществлен хорошим, богатым языком, с помощью которого К. Н. Юзбашян удачно передает самые тонкие оттенки подлинника. А здесь переводчика ожидали немалые трудности, так как сочинение Ластивертци — не только исторический памятник, но и художественное произведение, труд опытного стилиста, хорошо знакомого с различными образцами предшествовавшей ему армянской словесности. По замыслу автора, «Паїмутюн»⁵ — это своеобразный плач по гибнущей на его глазах родной стране. Поэтому в книге обильны риторические отступления, к которым присоединено немало цитат из древнеармянского текста Библии. К. Н. Юзбашян часть из них перевел, другую же опустил. С точки зрения историка его едва ли можно упрекать за это, но как литературное произведение перевод, мне кажется, несколько пострадал. Не совсем оправданным представляется и применяемый переводчиком метод передачи библейских цитат по каноническому русскому переводу «Ветхого завета».

Одним из главных достоинств перевода является серьезное внимание к терминологии памятника. К. Н. Юзбашян, как правило, сохраняет (в транскрипции) важнейшие социально-экономические и иные термины подлинника (гавар, ипшан и т. д.). Кстати сказать, транскрипция армянского алфавита, предложенная К. Н. Юзбашяном, удобна и точна и, можно надеяться, получит распространение в нашей литературе.

В то же время комментирование терминов не всегда стоит на должной высоте. Так, можно признать достаточными комментарии к слову «азаты» (стр. 142), но объяснения терминов «агарак» и «дастакерт» (стр. 146, 149) слишком общи и малоконкретны. Между тем оба этих термина чрезвычайно важны для понимания многих явлений социально-экономической истории Передней Азии древности и средневековья, особенно же — для вопросов истории земельной собственности и форм эксплуатации. Надо сказать, что ссылка на книгу Г. Х. Саркисяна, где дана «четкая характеристика» термина «дастакерт» в древности, мало даст читателю русского перевода, ибо указанная работа Г. Х. Саркисяна написана на армянском языке. К тому же проблема «дастакертов» вообще еще далека от окончательного решения.

К недостаткам издания относится и то, что переводчик в ряде случаев отступает от правила и либо просто переводит термины подлинника, либо даже безо всяких оснований их опускает. К сожалению, это нередко делается с тем же термином «дастакерт». Так, на стр. 70 перевода после: «Комнии отвоевал и подчинил ромеям Арчэш» — должно следовать «с его дастакертами» (см. стр. 41 подлинника). На стр. 87 (65 подлинника) в армянском оригинале Вадаршаван назван не просто дастакертом, но великим (мей) дастакертом. Наконец, на стр. 61 (29 подлинника) дастакерты города Ухтеац в переводе превратились в прекрасные здания, и т. д.

Точно так же К. Н. Юзбашян армянские термины «калак» и «аван» передает одинаково, как «город» (стр. 58, 61, 71 и др.). Между тем изучение терминологии поселений в армянских средневековых источниках (калак, аван, гевл, дастакерт и др.) поможет более четко поставить и решить вопросы соотношения города и деревни в Армении той поры и специфики средневекового города, а также лучше разобраться в вопросах социальной дифференциации общества на обширной территории Армении XI в.

Хочется коснуться и перевода К. Н. Юзбашяном термина «герн» и производных от него (прежде всего — «геруїюн»). Эти слова в армянском языке той и предшествующей эпох означали пленника и пленение, и именно так и следует их переводить. К. Н. Юзбашян, однако, в некоторых случаях (например, на стр. 99) передает «геруїюн» как «рабство». Между тем в армянском языке той поры для понятия рабства существовал специальный термин «стркуїюн» (от «струк» — «раб»). Термин «струк» есть и у Ластивертци (стр. 140 подлинника, 132 перевода). Для данной эпохи то же значение имел и другой термин — «царайутюн», который, однако, мог означать и службу вообще. Проблема выяснения оттенков зависимости чрезвычайно важна именно для установления характера господствующих форм зависимости. Поэтому к терминологии источников необходимо относиться как можно более бережно, ибо при отсутствии статистики и какого-то систематического комплекса данных от выявления конкретного исторического значения того или иного термина практически зависит решение важнейших вопросов.

В источниках древности и средневековья мы сталкиваемся с терминами, которые нуждаются в как можно более точном объяснении. В понятиях тех эпох существовали и четкие различия между понятием «пленник» и терминами, объясняемыми в соответствии с их социально-экономической сущностью как «раб», «крепостной», «слуга» и т. д. Так, в древнегрузинском языке пленные называются «ткуэ», в новоперсидском к ним чаще всего применяется арабское «асир», в арабском — тот же «асир» или «сабий», в древнееврейском — «шавуй» и т. д. Такое четкое различие объясняется тем, что в глазах людей того времени пленный — это еще не раб и не крепостной. Он мог быть посажен на землю и стать крепостным или зависимым крестьянином, его могли продать, выкупить, отпустить. Словом, он находился в особом состоянии, отчего к нему и при-

⁵ Слово это обычно переводится на русский язык как «история», но буквально значит именно «рассказ», «повествование» (глагол паїмел — «рассказывать»).

менялись особые термины. Поэтому в древнеармянском языке пленного называли иранским словом «гери» (буквально: «взятый», «захваченный»), а состояние, в котором он пребывал, выражалось через производное от него «геруѳюн». Кстати говоря, и сам К. Н. Юзбашян в подавляющем большинстве случаев именно так и передает эти термины. Следовало бы подобным образом поступать всегда, и тогда исследователь, пользующийся данным переводом и не знакомый с армянским языком, получил бы возможность полноценно использовать перевод во всем объеме источника.

Наличие упомянутых недостатков, конечно, несколько снижает качество работы К. Н. Юзбашяна, однако нельзя не признать, что издание это в целом заслуживает высокой оценки и с благодарностью встречено специалистами и читателями.

А. П. Новосельцев

Э. Д. ФРОЛОВА. РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

(ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.). Л., 1967, 144 стр.

(«Ленинградский ордена Ленина гос. университет им. А. А. Жданова. Очерки по античной историографии». Под ред. К. М. Колобовой и Э. Д. Фролова. Вып. 1)

Книга Э. Д. Фролова состоит из предисловия и трех глав, каждая из которых включает 3—4 параграфа; в конце помещен указатель имен и названий важнейших сочинений, упомянутых автором.

В предисловии автор говорит о задачах книги, подчеркивая, что «изложение историографии античности невозможно без широкого выхода за пределы истории собственно исторической науки, именно, с одной стороны, без учета того, как развивались иные антиковедческие дисциплины — филология, археология, эпиграфика, история искусства, а с другой — вне связи с историей европейской культуры и просвещения» (стр. 6). Далее (стр. 8) перечислены важнейшие труды по отечественной историографии, использованные Э. Д. Фроловым, а также справедливо отмечены важность и высокие достоинства книги советского исследователя А. Н. Егунова («Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков». М., 1964).

Первая глава носит название «Русское общество и античность в средневековый период (XI—XVII века)». В ней говорится об исконных древних связях русской национальной культуры с античной культурой, связях, которые осуществлялись благодаря греческим поселениям на Черноморском побережье, в Крыму, а также, несколько позднее, благодаря постоянному общению Руси с Византийской империей; второй параграф главы посвящен переводам с греческого языка, памятникам византийской хронографии, житийной и патристической литературе, сборникам изречений («Пчелы»), светским переводным повестям («Александрия», «Троянская история» и др.); значительное внимание уделено древнерусским хронографам, в которых, как известно, события античного периода излагаются по произведениям византийской хронографии.

В третьем параграфе дается характеристика «роста знаний об античном мире в Московском государстве XVI—XVII веков», причем подчеркивается увеличение количества переводов с западноевропейских языков (латинского, польского, немецкого). Автор отмечает исторические познания Ивана Грозного, приводит примеры из его сочинений, где упоминаются события античной истории¹.

Вопрос об источниках, из которых были почерпнуты Грозным сведения по античной истории, связан с вопросом о библиотеке московских государей в XVI в. В книге Э. Д. Фролова по этому поводу сказано следующее: «В XVI в. библиотека московских государей стала одним из крупнейших книжных собраний в мире. Помимо рукописей и печатных книг русского, польского и западноевропейского происхождения, в ней имелись списки со старинных греческих оригиналов, которыми живо интересовались гуманисты Польши и Германии»². Это утверждение мне кажется несколько категоричным: вопрос о существовании библиотеки московских государей, богатой рукописями на разных языках, еще нельзя считать достаточно и всесторонне изученным.

Как известно, против существования этой библиотеки наиболее решительно возражал С. А. Белокуров, тщательно исследовавший свидетельство о ней, содержащееся в «Сказании о преподобном Максиме философе, иже бысть инок святыя горы Афонския преславныя обители Ватопедския, иже zde и пострада довольна лета за истину»³.

Второе свидетельство о царской библиотеке, принадлежащее самому Максиму, в книге Белокурова только указано, но не разобрано⁴; свидетельство это включено

¹ Существует специальная статья на тему об исторических познаниях Грозного: И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 159—176.

² Стр. 28 и прим. 38.

³ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. 193—245; приложение, стр. XXXIII.

⁴ Там же, стр. 200. На это свидетельство обратила мое внимание Л. С. Ковтун, за что я весьма ей признательна.